

**ДЕЯТЕЛИ
СССР
И РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ
РОССИИ**

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
ГРАНАТ**

МОСКВА
· СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ·
1989

БАХ А. Н.
(1857—1946).

С 1929 академик
АН СССР.

нер, Л. А. Волкенштейн и 6 офицеров (меня в том числе) к смертной казни. Офицеры Штромберг и Рогачев были казнены, остальным смертная казнь была заменена бессрочной каторгой с заключением в Шлиссельбурге. В конце сентября 904 г. я был освобожден из крепости с переводом в разряд ссыльно-поселенцев, а так как, по случаю возвращения войск после Японской войны, этапные пути в Сибири были закрыты, то меня отправили отбывать ссыльное состояние на родину в Смоленск. По манифесту 17 октября срок моего пребывания в разряде ссыльно-поселенцев был сокращен, и в 1912 г. я был переведен в разряд лишенных всех особых прав, с оставлением под надзором. Революция 1917 г. возвратила мне гражданские и политические права. Первые годы в Смоленске я занимался переводным трудом и печатал в журнале „Былое“ и „Минувшие годы“ свои воспоминания. С 914 г. состоял лектором в Починковском союзе кооперативов, читал на счетоводных курсах, а потом в Высшей крестьянской школе в с. Кузенево (Елнинского уезда) „Историю развития русской общественной мысли“ и „Историю революционного движения в России“, а на подготовительном курсе историю Египта, Греции и Рима. Затем в Смоленском Политехническом институте я читал на I курсе „Историю русской общественной мысли“ и „Историю революционного движения в России“ до закрытия этого института, после чего я переехал в Москву и поселился в доме ветеранов имени „Ильича“.

В январе 1924 г. товарищи политкаторжане почтили юбилейным праздником 82-ю годовщину моей жизни, а Советское правительство за мои скромные революционные заслуги и многолетнее гонение царской властью удостоило меня высоким званием „Старейшего Красноармейца“ и шефа 2 Московской пехотной школы.

Бах, Алексей Николаевич. *)

Я родился в г. Золотоноше Полтавской губ. 5/17 марта 1857 г. Отец мой был техник с средним образованием, по специальности винокур. Большой поклонник науки, он рано познакомил меня с вопросами, связанными с брожением, и пробудил во мне живой интерес к биологической химии, которой я впоследствии посвятил всю свою научную деятельность. Семья у нас была большая, жили мы весьма скромно, временами терпели настоящую нужду. Это дало нам определенный трудовой закал. Учился я в Киевской 2-й классической гимназии, курс которой окончил в 1875 г. Еще в бытность мою в 6 классе гимназии до

меня стали доходить подпольные издания того времени. Я жадно знакомился с ними, позже основательно изучил литературу научного социализма, в особенности „Капитал“ Маркса, и стал убежденным социалистом, каковым остался в течение своей долгой жизни. По окончании гимназии я поступил в Киевский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета. Любовь к науке и увлечение лабораторной работой несколько отвлекли меня от активного участия в тогдашних революционных кружках, с которыми, однако, я был в постоянных сношениях. Но когда после ряда вопиющих насилий со стороны жандармских властей весной 1878 г. возникли знаменитые „киевские университетские беспорядки“, я оказался в самой гуще их и вместе с 15 другими товарищами был выслан в административном порядке в не столь отдаленные места. На мою долю выпал Белозерск. В ссылке я пробыл до декабря 1881 г. По возвращении в Киев я одновременно был принят в университет и в киевскую организацию партии „Народной Воли“. Тут моя деятельность раздвоилась, так как чисто научная работа чередовалась с революционной, в частности с пропагандой среди рабочих, которой я посвятил особенное внимание. Я выработал и применил на практике план занятий, который впоследствии лег в основу моей книжки „Царь-Голод“.

Наша центральная группа, членами которой были, кроме меня, Спандони, Захарьин, Никитина, Росси, Кжеминский и супруги Каменецкие, успела развить довольно широкую деятельность. Работы было много и, естественно, мои научные занятия отошли на второй план. У нас поставлена была своя тайная типография, в ней мы печатали, главным образом, прокламации, часть которых была написана мною. Для обслуживания типографии у нас была „техническая подгруппа“, которую вел Захарьин. К пропаганде среди рабочих приставили Кжеминского и меня с двумя подгруппами. Кроме того, я вел деятельные сношения с революционными кружками народных учителей в Гадячском и Переяславском уездах Полтавской г. Я также часто виделся с революционным кружком, который был создан в Киевской Духовной академии П. Г. Дашкевичем. Словом, не до лабораторных занятий было. Весной 1883 г., в связи с провалом одного из конспиративных адресов, я был арестован, но жандармский капитан Малицкий, который допрашивал меня, не разобрал сразу, в чем дело, и отпустил меня; а может быть, он надеялся путем слежки за мною захватить других членов нашей организации. Как бы то ни было, после тщательного обсуждения всех обстоятельств дела, группа предложила мне перейти на нелегальное положение и уехать в другой город. Я, ко-

*) Автобиография написана 1/III 1926 г. в Москве.

нечно, подчинился. Повидавшись с представителями центральной организации в Харькове, где я уже не застал В. Н. Фигнер, я в апреле 1883 г. поехал в Ярославль, где в то время имелся среди студентов Юридического лицея очень хороший революционный кружок, во главе которого стоял А. В. Гедеоновский. Поработав с этой милой молодежью несколько месяцев, я в августе того же года перебрался в Казань для того, чтобы по возможности наладить в этом сравнительно крупном центре народофильскую организацию. Кое-какие связи у меня были, их удалось значительно расширить и организовать несколько кружков. В числе их был один, который имел сношения с рабочими казанских фабрик, но члены его, по молодости лет, не знали, как вести пропаганду. По их просьбе я сообщил им схему занятий, которые я вел с киевскими рабочими. Схема им понравилась, но они потребовали от меня, чтобы я подробно изложил, что и как я говорил рабочим. Состоялся ряд бесед, которые почти дословно были воспроизведены в моей книжке „Царь-Голод“. Сначала беседы эти циркулировали в гектографированном виде, затем были напечатаны в тайной народофильской типографии. В 1903 г. „Царь-Голод“ был переиздан нелегально партией с-р. В 1905—1907 и 1917 г.г. книжка под заглавием „Экономические очерки“ выдержала более десятка изданий и разошлась в сотнях тысяч экземпляров.

В декабре 1883 г. я получил из Петербурга шифрованное письмо, в котором мне от имени „центра“ предлагалось поехать в Харьков, обосноваться там и по возможности поставить типографию для напечатания 10 № „Народной Воли“. *) О том, кто сидит в центре, я понятия не имел, но, конечно, без малейшего колебания повиновался. Подъезжая к Москве, я из купленной газеты узнал об убийстве Судейкина и об участии в этом деле Дегаева. Относительно последнего я знал, что он бежал в Одессе от сопровождавших его жандармов, бросив им в лицо пригоршню нюхательного табаку, но о его предательстве мне и мысль не приходила в голову.

Приехав в Харьков, я узнал, что там шли большие аресты, и что при тогдашних условиях было очень мало надежды на успешную постановку типографии. Но мне посоветовали посмотреть, не окажется ли положение более благоприятным для моих целей в Ростове на Дону. Совет оказался хорошим. В Ростове я нашел довольно много революционной молодежи, была там народофильская группа, организованная Сергеем Пешкеровым, которого я не застал на свободе.

*) Этот № 10 „Нар. Воли“ печатался в 2-х типографиях: в Дерпте и в Ростове.

В конце января в Ростов приехал видный революционер Сергей Иванов, будущий шлиссельбуржец, и, обсудив вместе с ним положение, мы решили поставить типографию в Ростове. От С. Иванова я узнал подробно о дегаевском предательстве и о том, что из-за границы должна вскоре прибыть новая центральная организация с Германом Лопатиным во главе. Чтобы войти в контакт с нею и выяснить положение, мы с С. Ивановым в начале февраля 1884 г. поехали в Петербург. После долгих и не совсем приятных переговоров с новым центром мы пришли к соглашению и образовали одну общую всероссийскую организацию „Народной Воли“. С. Иванов и я взяли на себя ведение революционной работы на юге и в числе прочего постановку тайной типографии. В апреле мы вернулись в Ростов и, пригласив в качестве хозяев конспиративной квартиры Захарова *) и Руно Крауцфельд, **) мы привели наш план в исполнение. В типографской работе участвовали также рабочий Антонов (будущий шлиссельбуржец) и Елько, который после ареста в 1885 г. стал злостным предателем.

К началу августа большая часть № 10 „Народной Воли“ была напечатана, и по соглашению с Лопатыным, который приехал к нам в Ростов, я повез еще сырые листы в Саратов, Казань и Нижний для того, чтобы поднять настроение тамошних групп. По возвращении в Ростов в октябре я застал там полный разгром всей нашей организации, вызванный арестом Лопатина и найдеными при нем записками. Типография уцелела. Мы держали военный совет и решили типографию снять, типографщикам предоставить заслуженный отдых, а С. Иванов и я должны были объехать организации, выяснить размеры разгрома и встретиться в Москве для выработки дальнейшего плана действий. В ноябре мы встретились, как было условлено, но оказалось, что ничего утешительного мы не выяснили. Не только лучшие революционные силы в большом количестве были вырваны из рядов, но, повидимому, доверие к народофильской организации было подорвано.

С. Иванов решил поехать за границу для совещания с эмигрантами-народофильцами. Я же предпочел сделать еще одну попытку восстановления организации, войдя в сношения с революционерами, рассеянными в провинции и по той или иной причине не принимавшими в последние годы активного участия в организованной революционной работе. Такие „резервы“ имелись на юге и на

*) Фамилия хозяина Ростовской типографии—Захарий Васильев. Он, как и Ранса Крауцфельд, не были ровесниками и не судились. В. Фигнер.

**) Из Харькова (акушерка из школы на Сабуровой даче).

Кавказе. Побывал я там, повидался с резервами и потерпел полное крушение. Для меня стало ясно, что „Народная Воля“ отжила свой век. Выбитый из колеи, не видя своего дальнейшего пути, я в марте 1885 г. выехал за границу. О своем участии в народофильском движении я рассказал подробно в своих „Воспоминаниях народофильца 1882—1885 гг.“, напечатанных в журнале „Былое“, №№ 1, 2, 3, за 1907 г.

В Париже я застал эмигрантские кружки в состоянии острой взаимной вражды и, не чувствуя никакого призвания к этого рода занятиям, я пытался вернуться к научной работе. Несколько месяцев после приезда в Париж я нашел занятие в редакции журнала „Moniteur Scientifique“, посвященном прикладной химии, и состоял сотрудником его вплоть до моего возвращения в Россию в 1917 г. Первый год пребывания в Париже был для меня едва ли не самой тяжелой порой моей жизни. Революционная работа, которой я посвятил свои лучшие силы, ушла от меня, а от научной я сам оторвался. Я утратил интерес к жизни и несколько раз был весьма близок к тому, чтобы навсегда покончить счеты с нею.

Изменилось мое тяжелое душевное состояние только в 1886 г., когда я познакомился с Л. В. Орловой и Ч. А. Дю-Буше, с которыми теперь связывают меня 40 лет близкой дружбы. Оба они были тогда молодыми студентами Парижского медицинского факультета, оба отнеслись ко мне, больному и сильно побитому жизнью, с большой симпатией и заботливостью, и для меня нет ни малейшего сомнения, что без их теплого участия моя жизнь сошла бы на-нет. Весною 1890 г. они поженились, и вскоре после них и я женился на Ал. Ал. Червен-Водали, с которой мы теперь доживаем 36-ой год нашей совместной счастливой жизни. Благодаря Дю-Буше мой интерес к науке мало-по-малу возродился, но долгое время мне не удавалось приступить к лабораторной работе. В 1890 г. я, в редакции, познакомился с членом Парижской Академии Наук проф. Schutzenberger'ом, который заинтересовался моими планами и предоставил мне место в своей лаборатории в Collège de France. Там я работал до 1894 г., с перерывом в течение 1891 года, когда я ездил в Северо-Американские Штаты вместе с химиком Эфроном для введения на тамошних винокурных заводах усовершенствованного способа брожения. По возвращении из Америки я сделал в лаборатории Collège de France несколько экспериментальных работ, которые в свое время были доложены проф. Schutzenberger'ом Академии Наук.

Тяжелые условия парижской жизни губительно повлияли на мое здоровье, и по настоянию друзей я переехал летом 1894 г. в Швейцарию, где в окрестностях Женевы

завел себе маленькую, более чем скромную, лабораторию. В этой лаборатории, которая пополнялась мало-по-малу, я, благодаря моральной и материальной поддержке моего друга Дю-Буше, который считается одним из лучших парижских хирургов, мог спокойно работать в течение 23 лет. Из нее вышло около 70 выполненных мною экспериментальных работ по общей и биологической химии и ряд научно-литературных статей и монографий. За совокупность этих работ Лозаннский университет почтил меня степенью доктора honoris causa.

До 1905 г. я активного участия в эмигрантской политической деятельности не принимал, хотя чутко прислушивался к тому, что происходило как в эмигрантских кружках, так и в России, и сохранял добрые товарищеские отношения с членами разных социалистических партий.

Когда в 1900—901 г.г. создавалась партия социалистов-революционеров, я тоже участвовал в предварительных переговорах, но в партию не вошел, так как считал индивидуальный террор безусловно несовместимым с задачами массовой социалистической партии и гибельным для нее. Тот факт, что с самого основания партии до 1908 г. террористической деятельностью ее руководил злейший в мире провокатор Азеф, показывает, что моя оценка не была лишена основания. Но, не входя в организацию, я оказывал услуги партии: в частности я подготовил для нее пересмотренное и дополненное издание „Царь-Голод“.

После январских событий 1905 г., когда массовая работа партии далеко отнесла ее террористическую деятельность, я счел себя не в праве долгие уклоняться от активного участия в революционной работе и по настоянию Л. Шишко и Е. Брешковской принял на себя функции секретаря заграничного комитета партии в апреле 1905 г. С этого времени до революции 1905 г. все конспиративные сношения с партийными организациями в России (кроме боевой организации) были сосредоточены в моих руках. Революция 1905 г. положила конец моим секретарским обязанностям. С тех пор мои отношения к партии приняли формальный характер; в партийной организации я близкого участия не принимал, и деятельность моя сводилась к литературной работе. К политической деятельности партии после Февральской революции 1917 г. я отнесся отрицательно и по возвращении в Россию в июне 1917 г. отстранился от какой бы то ни было организационной работы. Но я принял участие в издательстве „Земля и Воля“, которое было партийным в идейном отношении, но не в организационном. По моему настоянию издательство не делало никаких отчислений в пользу партийной организации и отклонило предложение ЦК партии ввести

в редакцию его представителя. Участие партии социалистов-революционеров в вооруженной борьбе против Советской власти, неоспоримо социалистической, совместно с реакционными элементами, побудило меня окончательно порвать связь с организацией этой партии, хотя заявлять публично об этом я считал неподходящим. Я считаю себя теперь независимым социалистом-революционером. Политикой я совершенно не занимаюсь. Но если бы теперешнему советскому строю грозила опасность, я все свои силы без остатка отдал бы на защиту его.

Тяготясь перерывом в лабораторной работе, которой я предавался столько лет, я в феврале 1918 г. обратился к д-ру Блюменталю, тогдашнему владельцу Химико-Бактериологического института (ныне Государственного Бактериологического института), с просьбой дать мне возможность выполнить давно задуманную мною работу над определением продуктов распада белка в сыворотке иммунизируемых животных. Получив согласие д-ра Блюменталю, я в сотрудничестве с моим учеником Б. И. Збарским поставил необходимые опыты и привел их к желаемому концу. В октябре 1918 г. я принял предложение заведующего химотделом ВСНХ, инженера Льва Яковлевича Карпова, организовать химическую лабораторию для научно-технического обслуживания химической промышленности. Вместе с Б. И. Збарским мы поставили лабораторию, которая превратилась в большое учреждение, носящее теперь название Химического института им. Л. Я. Карпова. По сей день я состою директором этого института, а Б. И. Збарский — моим помощником и заместителем. В сотрудничестве с ним же мною был организован в 1920 г. Биохимический институт НКЗ, открытие которого состоялось 26 января 1921 г. Оба института расположены в смежных зданиях (№№ 8 и 10 по Воронцову полю), и работа в них идет теперь полным ходом.

О своих научных работах распространяться не буду. Скажу только, что важнейшие из них касаются химизма процессов дыхания. Работы в этой области производятся мною и в настоящее время, и я считаю себя особенно счастливым в том отношении, что на 70 году своей жизни я сохранил еще, как мне кажется, значительную работоспособность.

Богданов, Степан Петрович *).

Родился в 1851 г. 1 августа в с. Бельском Устье Порховского уез. Псковской губ. от крепостных родителей, бывших дворовых. Отец умер, когда мне было

* Автобиография написана 2/IV — 1926 г. в г. Сызрань.

лет 8. После освобождения крестьян в 1861 г. мы, я и трое моих братьев, с матерью жили в маленькой деревушке Петровском на полудесятинном наделе на всю семью. 3 года учился в г. Порхове в приходской школе и в уездном училище, где курса не кончил, т. к. у матери не было средств содержать нас в городе. Лет 12-ти меня взяли в экономическую контору, где я и служил до 1871 г. Жалованье получал один руб. в месяц и паек. В имении пользовался помещицкой библиотекой, много читал, но читал без разбору. Руководить чтением было некому. Читал больше беллетристику, да, пожалуй, больше и читать было нечего. Большая часть книг была на французском языке. Читал журнал „Пантеон“, издававшийся в 50-х г. г. Мне думается, что он дал мне хорошее направление. Читал Пушкина, Лермонтова, Жуковского, рассказы Марлинского из кавказской жизни, путешествия и, конечно, Гуака. Я мало вынес знаний, но умственная гимнастика все-таки была. По вечерам уходил к рабочим, читал им что-нибудь интересное. Они всегда слушали с удовольствием. Рассказывал им о земле, о разных климатах на земле, о животных и пр. Но что всего важнее было для меня — это постоянное общение с крестьянами. Благодаря этому я хорошо знал крестьянскую жизнь. Знал их горести и радости. Они часто беседовали со мной о земле, спрашивали, отойдет ли земля от помещиков им, крестьянам. Я, конечно, всегда говорил, что об этом и думать нечего, помещики свои земли не отдадут. Осветить этот вопрос я, конечно, не мог, я и сам-то ничего не знал. Газет и журналов я не читал. Беседы были об удобрении и др. хозяйственных заботах. Я давал, что мог, что вычитал из книг: в библиотеке было кое-что и о сельском хозяйстве, хотя и старое. Но ценно было не то, что я давал, а то, что я получал от крестьян. Они дали мне больше, чем я мог им дать.

В такой обстановке я жил до 1871 г. Осенью 1871 г. я уехал в Петербург, нашел конторскую службу в столярной и паркетной мастерской Николаева. В конце 1872 г. я должен был поехать на родину к призыву. В январе 1873 г. был взят в солдаты. Служил в Пскове в резервном батальоне, там учился строю, а к осени того же 1873 г. был переведен в Петербург в Главный штаб писарем. Вскоре же я сблизился там с вольноопределяющимся Мих. Павл. Овчинниковым, который служил тоже писарем. Он в это время уже был радикалом. Он познакомил меня со своими взглядами. Как-то так вышло, что против социализма я ничего не находил возразить, но мы часто спорили. Я считал неосуществимыми идеи социализма в ближай-

БОГДАНОВ С. П.
(1851—1928).